

«Стар и дряхл... годится к лучшим делам»*

«Россия молодая», «юный град», «птенцы гнезда Петрова» – в образном строе представлений о первых десятилетиях XVIII в. обычно не находится красок для портрета людей преклонных лет. Масса ее деятелей, подобно героям мифов, появилась по мановению «верховного божества» в полном расцвете сил, потребных для сражений и строев, да так и ушла в Лету молодыми.

Общеизвестно, что восприятие возраста подвержено исторической изменчивости. Речь идет не только об обнадеживающих достижениях медицины и пока пугающих достижениях биологии, но о тех социальных ожиданиях, которые формируются относительно разных возрастных групп в рамках конкретной культурной традиции. Кому что «положено» и что «не положено» делать: «Молодо-зелено», «седина – в бороду, бес – в ребро», – перечень пословиц и расхожих цитат, маркирующих нормы и аномалии поведения людей разного возраста можно продолжить. Описаний, четко связанных с историческими реалиями, явно меньше. Вспоминается прежде всего алгоритм «образцового» жизненного пути, который А.С. Пушкин в начале XIX в. сформулировал для своего поколения: «...Кто в двадцать лет был франт иль хват, а в тридцать выгодно женат, кто в пятьдесят освободился от частных и других долгов...» А.С. Пушкин имел в виду общественное мнение, в глазах которого некий примерный NN выступал как «прекрасный человек». Источники о подобных оценках «своей братии»-дворян начала XVIII в., кажется, не известны. Но есть возможность попытаться представить, как несли груз лет те, чья деятельность – уже в качестве «старых», отставных – получила довольно широкое отражение в документах своей эпохи.

Речь идет о материалах лично-служебного учета самой массовой категории российской администрации 1720–1730-х гг., осуществлявшей текущее управление на всей территории страны – городских воеводах, губернаторских и воеводских товарищах, губернаторах и вице-губернаторах. Примерно¹ 960 известных на данный момент «правителей» (как они именуются здесь далее) принадлежали к числу отставных военных, переживших и победу в Северной войне, и победителя номер один. Именно они и стали предметом внимания в данном случае.

Этим людям не пришлось искать своего поприща – за них это регулярно делала власть, вызывая всех, кто в буквальном смысле мог двигаться, на смотры в Сенат. Здесь и решались судьбы тех, кто уже был отставлен от военной службы по единственному законному тогда причинам – за «старостью и дряхлостью», «за ранами и болезнями». По результатам персонального освидетельствования их «отмечали» «к делам небольшим», «ко всяким делам» или «к лучшим делам»². Две последних резолюции на практике и означали, как правило, определение на воеводство. Из каких факторов складывались решения о разных определениях? Какую роль играли при этом прежняя служба, социальный, материальный статус, физическое состояние? Вот вопросы, на которые хотелось бы найти ответ.

Данные ведомостей о действующих «областных правителях», а также списков кандидатов на замещение вакантных должностей, промеморий о присылке отставных и «сказок», челобитных и других «бумаг» Герольдмейстерской конторы, отложившихся в РГАДА (а также «сказок» в отчасти просмотренных фондах армейских полков в РГВИА), содержат расхождения в датах, оставляют существенные пробелы относительно ключевых моментов рассматриваемых биографий. Самый информативный из этих источников, «сказки»³ – своего рода автобиографии. Но они далеко не покрывают всего круга рассматриваемых лиц. Кроме того, составляясь по единой схеме, они все же несли на себе печать «творческого почерка» собиравшего их лица, конкретного исторического момента с присущим ему преимущественным вниманием к тем или иным сторонам жизни служащих. Даты же смерти устанавливаются в единичных случаях, как правило, когда она настигала человека на рабочем месте и требовала срочной его замены новым должностным лицом. Таким образом, полноценная статистическая обработка привлеченных источников, несмотря на их массовый характер, на данном этапе едва ли возможна. Но это отнюдь не отнимает возможности анализа полученных данных для воссоздания того, как складывалась судьба бывших военных после отставки, до тех пор, пока они продолжали интересоваться правительством и «сказка» их продолжалась.

Большинство «правителей» выходило из среды капитанов и майоров, но немало было и поручиков, встречались отставные подполковники, полковники, бригадиры и вместе с тем прапорщики и даже сержанты. По возможности, кандидаты в управители той или иной территории выбирались из числа тех, чьи имения были поблизости. Но среди них могли оказаться и владелец 1300 душ лейтенант морского ранга кн. А.Д. Волконский, и обладатель 7 душ майор И.Т. Свитин, который жил в «крестьянской избенке», так как «домишко его погнил», и совсем не имевший крестьян поручик П.И. Сторожев. Он отказался от отправки «к пропитанию» в монастырь и просил об определении «к делам». Были такие, кто не имел ничего, либо владел несколькими дворовыми, но без земли, либо несколькими четвертями пустой земли⁴.

Общее число «правителей» без источников внеслужебного дохода составляло около 10%. Сопоставление этих данных с заключением М.Д. Рабиновича о том, что к концу Северной войны примерно половина командного состава армии собственными имениями не располагала⁵, обнаруживает весомость фактора материальной обеспеченности при определении к воеводским делам.

Чисто физическое состояние кандидатов занимало в иерархии требований к ним следующее место. Поскольку в настоящем случае рассматривались лишь вышедшие в отставку после войны, данные о самых тяжелых ранениях остались вне поля зрения. Но очевидно, что люди, изувеченные войной, отнюдь не всегда считались негодными. Солдат Семеновского полка П.Ю. Лавров, раненный «при Левенгоптской баталии» в правую ноздрю навывлет так, что «во рту зубы с деснами выбиты и язык перебит», был отставлен от военной службы в 1722 г. с чином

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-01124а).

поручика, успел побывать воеводой в Костенске, получив полную отставку от дел только в 1731 г.⁶ Раненный в той же баталии по голове шпагою и в правую руку пулею поручик И. Замыцкий, пробывший, кроме того, два года в плену, дослужился до капитанского чина, отставился от военной службы в 1729 г., а впоследствии стал товарищем воеводы Углицкой провинции (в 1733) и еще в 1739 встречается «у подушного сбора»⁷. Также побывавший в плену майор М.А. Боборыкин, в «баталии на Неве-реке» раненный по верхней губе фузейной дробью, был отставлен лишь в 1730 г., а в 1733-м исполнял должность бежецкого воеводы⁸. Майор И.Г. Аксаков с пулею, которая «и ныне в ноге», так что «кости выпадают», получил отставку из армии в 1729-м. Прожил он потом только четыре года, но успел послужить пошехонским воеводой⁹. Начиная службу солдатом Семеновского полка Г.Е. Чернышев был ранен под Нарвой шпагою в ногу, при атаке Митавы «в ту ж ногу, под Головчиным картечью по голове», получил при отставке из армии (в 1728) чин майора, а затем, уже побывав нижнеломовским воеводой (в 1731–1733) и у подушного сбора (в 1736–1738), при полной отставке – чин подполковника (1741)¹⁰. Майор П. Алексеев был ранен четырежды. В итоге у него была верхняя губа «и зубы обрублены, щека левая прорублена, голова разрублена, рука левая выше локтя поломана». Со всем тем он успешно исполнял должности унженского (1731–1733), юрьевецкого (1735–1738), козловского (1741), курмышского воеводы (1745–1749)¹¹. Такие примеры можно считать в известном смысле показательными.

Дело не в том, что большинство местных управителей из отставных выглядели так же, как майор П. Алексеев. Напротив, раненные вообще составляли незначительный процент от общего числа отставившихся (даже с учетом того, что указание на раны могло в каких-то случаях опускаться). Но зато среди раненых очень многие бывали ранены неоднократно. Т.е. люди эти что называется «лезли» вперед, были смелы, решительны и изначально физически крепки. А это делало их пригодными для выполнения самых разных актуальных на данный момент задач. Известно, что боевые потери в войнах XVIII в. были несопоставимо малы по сравнению с потерями небоевыми. В условиях, когда смертность обуславливалась «повальными» болезнями, инфекциями, особенно губительными при большом скоплении людей и в иных неблагоприятных обстоятельствах походной жизни, врожденный иммунитет и выносливость становились главными факторами выживаемости и существенными факторами успешной службы. Не случайно капитан И.Ф. Чириков в числе других своих заслуг, наряду с участием в Полтавской «баталии», упоминал о том, что «за болезнями и другими своими нуждами в городех не оставался»¹². Сам по себе конкретный возраст был не столь значим, как реальные физические свойства организма. Можно полагать, что к Степану Взимкову «четырнадцати лет... волею своею» записавшемуся в службу никто не относился, как к мальчику, определяя его в драгунский полк, где вскоре он принял участие во взятии Ямбурга, а в следующем году был произведен в прапорщики. Равно как и П.И. Остафьева, взятого в 1712 г. на службу «из недорослей», в сорокалетнем возрасте трудно было счесть к моменту отставки в 1727 г. стариком. Во всяком случае к 68 годам, сменив несколько гражданских должностей, он служил управителем дворцовых волостей и является отцом пяти- и трехлетнего сыновей¹³. Последнее обстоятельство не было типичным, но не было и исключительным. Среди рассматриваемых лиц «детей мужского пола» называли сравнительно немногие (при этом необходимо принимать во внимание высокую детскую смертность той эпохи). Вместе с тем из назначенных «к делам» встретились 29 человек, ставших отцами в возрасте свыше пятидесяти, а пять – в возрасте свыше шестидесяти лет. Таким образом, формулировка «стар и дряхл», бывшая почти неизменным атрибутом определений об отставках, являлась в достаточной степени условной.

Однако соответствие «норме» отнюдь не означает совершенного здоровья. И болезни, приобретенные за время жизни и службы, сопровождали будущих воевод, как всех смертных. Болезни эти подразделялись на «явные»¹⁴ и внутренние. Среди первых встречаются: «неразгибание» руки или ноги, опухоль на ногах, у руки «кость выломана... и она сохнет», «руку свело», «французская», «в ноге волосатик», «почечуй». Указания на «лом в ногах» при отсутствии «знаков» или на внутренние болезни обязательно сопровождалось упоминаниями о «дохтурском осмотре». Здесь можно найти заключения: «имеет сердечное биение и чохнет», «в селезенке в левом боку затвержение <...> и желудок не варит», «имеет начало водяной болезни», либо «имеет каменную болезнь», одержим «застарелую гипохондрическую болезнью, чохнет,... хотя много лечился», «чахотка и ломота в грудях», «в жилах стрельба», «правым глазом крив, а левым болен», «глазами мало видит», «весма глух». Во многих случаях упоминания о медицинских заключениях сопровождали не только оформление отставок от военной службы, но процедуру гражданских назначений или отставок. Авторитетность и значимость врачебного заключения видна из всего контекста делопроизводства. Встретилось даже упоминание о подделке медицинского свидетельства¹⁵.

Несмотря на готовность уважать заключения современной медицины, власть оставляла за собой окончательное суждение о годности каждого конкретного лица. Даже когда было известно, что воеводу Л. Телепнева разбил паралич, а сделанное местными медиками описание недугов нарвского коменданта Д.Г. Голенищева-Кутузова

Ф.А. Васильев. Капрал докучает женкам.
Рис. нач. 1720-х гг.

Офицер л.-гв. Семеновского полка, 1700–1720 гг.

занимало несколько страниц, разворачивалось целое «дело» относительно допустимости заочной отставки этих лиц¹⁶.

Наконец, существовал ряд симпомов, которые напрямую не диагностировались, но в определенных случаях признавались заслуживающими внимания при наличии «аттестата от команды» или иных должностных лиц. Так, о подполковнике Д.М. Новокшенове сообщалось, что «он имеет темперамент меланхолический и понеже оная меланхолия в великом гра-тусе произошла и уже возвратилась в болезнь, зовомую мания, обрели его в беспмятстве, глаголющего многие посторонние и нерассудительные слова»¹⁷. Но та же «меланхолическая болезнь» отнюдь не спасла отставного поручика И.С. Огарева от наказания кнутом за сказывание напрасно «слова и дела»¹⁸.

В ряде случаев приходилось встречать указания на «беспмятство» как одну из болезней. За редким исключением не имея возможности определить, что подразумевалось под «беспмятством» – потеря сознания, помешательство или забывчивость, – во многих случаях можно отметить, что же должны были, а что хотели вспоминать отставные. Речь идет о тех, чьи «сказки» удалось на данный момент прочесть. Согласно формуляру (несколько отличавшемуся в 1720–1721 гг. в армии и после 1722 г. в Герольдии) они должны были «сказать» о своем происхождении, возрасте, стаже службы, о производствах в чины, имени и детях «мужского пола».

Почти всегда будущие «правители» сообщали, что они «из шляхетства», хотя встречались «из рейтарских детей», из «прежних выездов иноземцев», «из стряпчих» и некоторые другие¹⁹. Изредка можно встретить упоминания о том, что отцы

их еще живы. Тогда, как правило, указывалось, где они ныне служат или с какого года «отпущены в дом». Но типичная запись об отцах – «умре в давних годах». Дату смерти знали, если она произошла только что или на войне (под Азовом, в «первом Нарвском походе», под Полтавой)²⁰. Андрей Гарезин указал, что об условиях службы отца своего «не сведом <...> понеже остался после него в малых летах, только «слышал от дяди», что отец их (отца и его брата) Амодей «крестился в маеорах»²¹.

Возраст сыновей знали всегда. И признание капитана К.Е. Шепелева, что о своем шестнадцатилетнем сыне Никите – «ныне в службе или в какой науке обретается, того он за службою сказать не знает»²² – было исключением. Правда, и случаи явной заботы об образовании своих сыновей не слишком часты. Отставной майор Иван Рогинский в 1738 г. в кратком промежутке между пребыванием в экспедиции «для строения города Оренбурха», участием там же в «партиях» против «бунтовщиков-башкирцев» и отправлением должности воеводы в Билярске устраивал сына в Кадетский корпус²³. Там же – «в науке немецкому и французскому языков при генерал-лейтенанте Минихе» – находится тринадцатилетний Гаврила, сын верхнеломовского воеводы, отставного капитана Ивана Пилюгина, а также младшие сыновья серпуховского воеводы С.Ф. Бредихина и ядринского – А.А. Спиридова, в рижскую школу был отдан сын «правившего» в Кольском остроге П.Д. Михалкова, в «арифметической и немецкой науках в Нарве» обучались оба сына товарища воеводы Псковской провинции, майора Василия Алексеева²⁴. Но огромное большинство отставных сообщают о том, что малолетние пребывают дома, а взрослые служат в разных чинах в разных частях. Такие «дети мужского пола» вряд ли могли сохранить больше воспоминаний о своих отцах, чем те о своих.

Связи между родственниками все же поддерживались, имея как позитивный, так и негативный аспекты. Так, поручик (впоследствии капитан) Викула Жеглов собщил в 1723 г. о «кроющемся от службы» своем племяннике. Майору же Гавриле Белавину родственники помогли: не имея средств к существованию, он должен был отправиться «к пропитанию» в монастырь, но они дали ему несколько четвертей поместной земли и дворовых. После этого власти сочли его годным для «дел»²⁵.

В то же время, не всегда имея отчетливые представления об отцах, авторы и герои полковых и герольдмейстерских сказок практически всегда помнили имена (даже если на разные лады коверкали имена иностранные) своих командиров и названия полков (с учетом их позднейших переформирований и переименований), в которых служили в разное время, даты своих производств в чины и особенно подробности своего личного участия в самых разных «акциях». Так, майор Петр Трескин особо вспоминал, что «по указу царского величества послан был с писмами в турецкий город Ачаков», а в Финляндии был «плавным путем» и «откомандирован был против неприятельских батарей ...на плотях и на оном штурме ранен». Майор Иван Карташев с явным удовольствием описывал, как было «повелено нашему полку выдать ис пехотных полков василковские кафтаны и василковские епанчи и учинили нас якобы швецкой драгунской полк и посылали нас к Нарве, и в Нарву пришли на сикурс от швецкой стороны... и сошлись и была акция... гнали... швед до палисад... и много их порубили»²⁶.

Будущий казанский вице-губернатор И.С. Караулов рассказывал, как у Котлина «у малой косы» его батальон «лежал в скрете» и с «той потребы неприятельских людей не возвратился на корабли ни один человек». Он же при «Гелзинфорсе ... сделал батарею, по которой пришел швецкие три корабля множеством из пушек стреляли, токмо и от меня с батареи ... стреляли ... и неприятельские корабли прочь отошли с великим повреждением»²⁷.

У «своею волею» записавшегося в выборные роты, да так и не получившего военного чина Сергея Болтина, обнаружилось своеобразное дарование: «У Зеленой кирки была баталия,.. и при оной баталии я был и взял языка от кавалерии конного вахмистра... ходили морем под Выборх и за двадцать верст... взял языка от кавалерии конова ретара..., послана была партия в Выборх и я во оной партии близ палисада под Выборхом... взял от кавалерии рейтара часовова. Тот же год за пять верст Выборха... взял швецкова языка... драгуна ..., в том же году посылан в партию под Выборх и... за десять верст съехали с швецким разездом и я взял языка... рейтара, в том же ...году... по Копорской дороге... взял языка порутчика в полон...»²⁸. Этот старательно снабженный «топографическими» комментариями перечень мастер разведки боем сделал в своей челобитной 30 лет спустя, заключив его изложение в двенадцать параграфов. О непосредственно следовавшем за описываемыми событиями периоде 1712–1720 гг. упомянуто только, что состоялся «при сыске воров и разбойников». Рассказ о всей последующей гражданской службе вплоть до 1738 г. уложился всего в четыре параграфа.

Когда «правители» не сами составляли документ, а отвечали на вопросы, диспропорция в описании военной и гражданской служб была менее заметной, но сохранялась. Едва ли не главными сюжетами гражданского периода их жизни становились разного рода беды – «украли пашпорт», «напали воровские люди», крестьяне бежали, а налоги за них надо платить и от этого происходит полное разорение, велено ехать к новому месту службы, но прогоны не выданы, а жалованье давно не плачено. Майор М. Миклашевский (отец его погиб в 1700 г. под Нарвой), начавший службу солдатом, успевший побывать и на китайской границе, выходя в 50 лет в отставку, собирался переехать к брату (своего имени у него не было) под Смоленск. Но был назначен «в команду» В.Н. Татищева «для смотрения над казенными и партикулярными заводами». Тот счел, что дел «по рангу» для Миклашевского нет, а «жалованье... получать напрасно» не годится, но совсем не отпустил и отправил в Тобольск «на своем» (то есть Миклашевского) «коште». Так что нужно было ходатайствовать о милости назначения «по рангу», чтобы «з женишкою» «от глада не умереть», – и оказали: назначили воеводой в Сургут²⁹.

Многие отставные просили о повышении ранга. Материальной заинтересованности здесь не было, так как жалованье для отставных, отправлявших гражданские должности, существовало более в теории, чем на практике. Главным стимулом служило стремление соответствовать «своей братии». Так, отставной кавалергард (бывший в 1731–1733 гг. торопецким воеводой) Перфилий Елагин сообщал в своей челобитной, что он участвовал в одиннадцати знатных баталиях и взятии шести городов, а в настоящее время (1736) «обретается» капитаном, а его «братия» капитаны и даже капралы при роспуске этой части получили награждение рангами «многия и чрез два ранга произошли» и теперь «имеются не токмо примииер майорами, но многия подполковниками, а другие есть, что и полковниками пожалованы». Вопрос, как и все подобные ходатайства, рассматривался в Сенате, состоявшая при нем Герольдмейстерская контора подняла бумаги о службе П.И. Елагина и тех, кто получил столь желанное для него производство. Выяснилось, что повышение через «две очереди» получили лишь те, кто был откомандирован в Низовой корпус (в «персидских провинциях»). Повышение на один чин получили отставленные вообще. Елагин же еще в 1731 г., получив отставку от военной службы, продолжал служить в гражданской, «подпадая» под указ Верховного тайного совета от 11 июня 1729 г.: офицеров, отставленных от одной армейской службы рангами не повышать, так как они могут еще при статских делах «добрые услуги показать». А по позднему имянному указу от 14 ноября 1735 г. велено в таких случаях повышать чинами, но не военными, а гражданскими³⁰. В этой истории хорошо видно, сколько мелких случайностей определяли не только военное, но и гражданское счастье отставных.

Опыт многолетней службы иногда помогал им уклониться от должностей, по каким-то причинам особенно не желанным. И. Брюхов просил об увольнении от должности управителя дворцовых волостей, которая ему «не против рангу». Уволен (в свои 63 года) он не был, но получил назначение борисоглебским воеводой³¹. Уже упоминавшийся Д. Новокшенов благодаря обнаружившейся «меланхолической болезни» в 1725 г. не поехал служить в Сибирь, что отнюдь не помешало ему впоследствии исправлять должность воеводы Владимирской провинции³². Как характерную особенность можно отметить стремление многих из отставных избежать службы в губерниях у подушного сбора и в петербургской Канцелярии от строений.

Воеводская должность, безусловно «приличная» любому рангу, сопротивления не вызывала. Но и она заключала в себе немало потенциальных опасностей. Трое из известных на этот период воевод – за большие и меньшие вины – были казнены, двое биты кнутом, один, «не сдав города» преемнику, бежал, многие однажды или не однажды побывали под следствием. «Областные правители» за время своей карьеры примеривали роли и судей, и подсудимых. Не сданная вовремя отчетность влекла штрафы, даже «подозрение» в неблагоприятных поступках (а в доносах недостатка никогда не было) – отрешение от дел. Грань между должным и недолжным была не так заметна, как в армии.

Офицер Пехотного полка, 1700–1732 гг.

Наказания и назначения сменяли друг друга, иногда менялось на протяжении жизни материальное состояние. В силу как внешних (на войне), так и естественных причин менялось и их физическое состояние. В разные периоды жизни они определялись к разным делам.

Большинство из тех, кого сочли по окончании военной службы наиболее соответствующими нуждам гражданского управления, оказались не моложе 45–50 лет. Всего на данный момент даты рождения удалось установить для 755 «управителей» из отставных. При этом в интервале от 1652 до 1663 гг. на год приходится от 1 до 7 родившихся, от 1664 до 1668 – от 11 до 17, от 1669 до 1685 – от 21 до 42 (максимальное число – 42 – приходится на 1672 год), от 1686 до 1693 – от 11 до 18 и, наконец в 1693–1699 – от 2 до 7. Интересно, что контингент администраторов, перешагнувших пятидесяти- и даже шестидесятилетний возрастной рубеж в послевоенную эпоху лишь незначительно уступал место «у дел» группе лиц «около сорока».

За время войны все они приобрели разносторонний жизненный опыт и прежде всего навык управления людьми, а также привычку к «регулярству», в котором виделся идеал ведения и гражданских дел. Но, возможно, существенным фактором при отборе служило и то обстоятельство, что это были люди, в тесном смысле слова принадлежавшие к поколению самого Петра I и тех его сотрудников, которые после смерти императора составили круг высших сановников и определяли персональный состав «областных правителей». На «смотре» в Сенате официально признаваемые «старыми» не воспринимались как таковые решавшими их судьбу ровесниками.

В России начала XVIII в., где «праздность» рассматривалась как уклонение от обязанностей подданного, а пенсии для всех не предполагалось (в крайнем случае речь могла идти о «пропитании»), покой не считался атрибутом полноценной жизни. Армия в целом и офицерский корпус в частности должны были пополняться и пополнялись за счет вновь подрастающих, годных к военной службе молодых людей, но дело гражданского управления оказывалось по преимуществу в руках людей более чем зрелых. На протяжении службы зачастую вместо зеркала им служили глаза командиров и «правителей» более весомых рангов, которые и решали, кто «прекрасен», а кто – нет. Отразившие эту жизнь герольдмейстерские бумаги зафиксировали ее счастливые моменты и потери, чины, шрамы, жалобы, но прежде всего – годность. Быть может, поэтому в исторической памяти они остались молодыми.

¹ Приблизительность этой цифры происходит от неопределенности статуса ряда лиц, насколько она выясняется из имеющихся источников, в отдельные временные отрезки

² РГАДА. Ф. 286. Кн. 106. Л. 12; Кн. 38. Л. 89, 90; Кн. 41. Л. 52; Кн. 82. Л. 15, 294 об.

³ Некоторые из них полностью или во фрагментах опубликованы в составе трудов, по истории отдельных частей, см., например: Адамович В. Сборник военно-исторических материалов лейб-гвардии Кексгольмского императора австрийского полка. СПб., 1910. Т. 1; Вольнский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1. Кн. 4.

⁴ РГАДА. Ф. 286. Кн. 170. Л. 196, 182; Кн. 106. Л. 268 об., 299, 70 об.

⁵ Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 160.

⁶ РГАДА. Ф. 286. Кн. 82. Л. 116–116 об.; Ф. 248. Кн. 985. Л. 575 об.

⁷ Ф. 286. Кн. 106. Л. 206–207, Кн. 222. Л. 416.

⁸ РГАДА. Ф. 286. Кн. 106. Л. 287 об.

⁹ Там же. Л. 166.

¹⁰ Там же. Кн. 82. Л. 424; Кн. 204. Л. 289; Ф. 248. Кн. 985. Л. 530 об. Список военным чинам первой пол. 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 765.

¹¹ Там же. Кн. 75. Л. 92 об.; Кн. 162. Л. 311; Кн. 182. Л. 62.

¹² РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Е.х. 37. Л. 94.

¹³ Там же. Е.х. 51. Л. 25–26 об.; РГАДА. Ф. 286. Кн. 75. Л. 251 об.; Кн. 63. Л. 465 об.; Кн. 182. Л. 3.

¹⁴ РГАДА. Ф. 286. Кн. 222. Л. 101.

¹⁵ Там же. Кн. 81. Л. 178.

¹⁶ Там же. Кн. 80. Л. 10 об.; Кн. 204. Л. 470–473 об., 493–494.

¹⁷ Там же. Кн. 49. Л. 605.

¹⁸ Там же. Кн. 106. Л. 306.

¹⁹ Там же. Л. 15 об., 16, 201, 268 об.; Кн. 160. Л. 386; Кн. 181. Л. 295, 329.

²⁰ Там же. Л. 261–261 об., 306; Кн. 160. Л. 269, 277; Кн. 181. Л. 295; Кн. 191. Л. 67; Кн. 208. Л. 75, 317.

²¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Е.х. 30. Л. 85.

²² РГАДА. Ф. 286. Кн. 208. Л. 347.

²³ Там же. Кн. 210. Л. 34 об.–35; Кн. 208. Л. 75; Кн. 206. Л. 255; Кн. 75. Л. 69, 96.

²⁴ Там же. Кн. 208. Л. 75; Кн. 206. Л. 255; Кн. 75. Л. 69, 96; Кн. 75. Л. 70, 96, 106 об., 232 об. Ф. 248. Оп. 32. Л. 173 об.; Кн. 204. Л. 263,

²⁵ Там же. Кн. 49. Л. 188; Кн. 106. Л. 70.

²⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 65–66; Ед. хр. 34. Л. 60.

²⁷ Адамович В. Указ. соч. С. 53–55.

²⁸ РГАДА. Ф. 286. Кн. 204. Л. 340–341, 351–352.

²⁹ Там же. Кн. 186. Л. 329–330 об.; Ф. 286. Кн. 204. Л. 132 об.5.

³⁰ Там же. Л. 42–44 об.

³¹ Там же. Кн. 108. Л. 109; Ф. 248. Кн. 985. Л. 529, 578.

³² Там же. Ф. 248. Кн. 985. Л. 474.